

УДК 347.132
DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-50-56

Проблемы юридической квалификации сделки, противоречащей закону и посягающей на публичные интересы и интересы третьих лиц, и ее последствия

В. А. Гончарова

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

*Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
Томск, Россия*

Аннотация

Анализируется измененная редакция ст. 168 ГК РФ, посвященной недействительности сделок, противоречащих закону или иному правовому акту. Следуя предложениям разработчиков программных документов реформы гражданского законодательства в отечественное законодательство было введено правило о ничтожности лишь той противозаконной сделки, которая посягает на публичные интересы и интересы третьих лиц. В то же время по смыслу данной правовой нормы такая сделка является ничтожной исключительно в том случае, если из закона не следует ее оспоримость или необходимость применения других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки. На основе анализа положений гражданского законодательства, ставших итогами реформы 2013 и 2015 гг., исследуются «другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки», а также делается вывод о том, что законодательное решение об установлении возможности следования оспоримости такой сделки из закона нельзя оценить положительно с учетом важности норм о недействительности сделок для стабильности гражданского оборота и интересов участников правоотношений.

Ключевые слова

недействительность сделки, противозаконная сделка, интересы третьих лиц, публичные интересы, реформа гражданского законодательства

Для цитирования

Гончарова В. А. Проблемы юридической квалификации сделки, противоречащей закону и посягающей на публичные интересы и интересы третьих лиц, и ее последствия // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 3. С. 50–56. DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-50-56

Problems of Legal Qualification of the Bargains, Contradicting to the Law and Combating the Public Interests and Interests of Third Parties, and Its Consequences

V. A. Goncharova

*Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation*

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics
Tomsk, Russian Federation*

Abstract

The article analyzes the amended version of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation on the invalidity of bargains that are contrary to the law or other legal act. Following the proposals of developers of program docu-

© В. А. Гончарова, 2020

ments for the reform of civil law, a rule was introduced in domestic law on the voidness of only that illegal bargain that encroaches on the public interests and the interests of third parties. At the same time, within the meaning of this legal norm, such a transaction is void only if its law does not imply its viability and the need to apply other consequences of the violation that are not related to the invalidity of the bargain. Based on an analysis of the provisions of civil law resulting from the reform of 2013 and 2015, “other consequences of the violation not related to the invalidity of the transaction” are investigated, and it is also concluded that the legislative decision to establish the possibility of following the contestability of such a bargain from the law cannot be evaluated positively taking into account the importance of the rules on the invalidity of bargains for the stability of civil turnover and the interests of participants in legal relations.

Keywords

invalidity of a bargains, illegal bargain, interests of third parties, public interests, reform of civil law

For citation

Goncharova V. A. Problems of Legal Qualification of the Bargains, Contradicting to the Law and Combating the Public Interests and Interests of Third Parties, and Its Consequences. *Juridical Science and Practice*, 2020, vol. 16, no. 3, p. 50–56. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2020-16-3-50-56

Согласно п. 2 ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки¹. В том случае, когда совершение незаконной сделки не сопровождается нарушением указанных интересов, она, по смыслу закона, должна признаваться оспоримой (п. 1 ст. 168 ГК РФ).

Общее правило об оспоримости незаконных сделок стало одним из итогов крупномасштабной реформы гражданского законодательства 2013 г. Как указывалось в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ, действующее на момент реформирования общее правило о ничтожности каждой противоречащей закону сделки подрывает стабильность и предсказуемость гражданского оборота. В этой связи предлагалось в рамках ст. 168 ГК РФ уточнить, что ничтожной должна являться сделка, нарушающая запрет, прямо выраженный или вытекающий из закона, и что судебным правоприменительным органам следует предоставлять возможность толковать волю законодателя и приходить на основе смысла закона к выводу о том, что сделка является оспоримой, хотя бы данный вывод не следовал из текста закона (п. 2)². Аналогичное положение содержалось и в Концепции развития гражданского законодательства (п. 5.2.1)³.

Осуществленные изменения, вероятно, должны были сделать механизм оспаривания противозаконных сделок понятным и предсказуемым для участников оборота. Однако смена правила о виде недействительности противоречащей закону сделки с ничтожности на оспоримость, несмотря на кажущийся положительный потенциал для стабильности договорных связей, нередко критикуется в литературе как противоречащая устройству отечественного механизма правового регулирования [1; 2]. Так, по обоснованному мнению Д. О. Тузова и А. Г. Карапетова, «странным выглядит ведение «борьбы с ничтожными сделками» во имя стабильности гражданского оборота не через устранение причин этой ничтожности, т. е. не путем совершенствования законодательства, вследствие нарушения которого сделки оказываются ничтожными, и практики его применения, а посредством замены правила о ничтожности на правило об оспоримости и оправдания тем самым наступления тех или иных желаемых сторонами правовых последствий вопреки императивным предписаниям закона» [1]. Следует согласиться с авторами в том, что введение правила об оспоримости противозакон-

¹ СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 9–101.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11. С. 6–100.

ных сделок, по сути, «легализовало» такие сделки, поставив утрату ими юридической силы исключительно в зависимость от воли оспаривающих ее лиц. В этой связи кажутся обоснованными меры, предпринятые Верховным Судом РФ по «корректировке» итогов реформирования ст. 168 ГК РФ за счет введения нового основания ничтожности противозаконной сделки в виде ее противоречия существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств⁴. Это означало возврат к пониманию ничтожности, традиционному для отечественного правоприменения. Толкование ВС РФ в этой части сгладило «жесткие углы» общего правила об оспоримости, ввело «возможность проверки совершенных такими участниками сделок на предмет их общего соответствия вектору отечественного правового регулирования» [2].

В то же время ряд проблемных вопросов, касающихся толкования и применения п. 2 ст. 168 ГК РФ, не находят своего разрешения ни на уровне доктрины, ни на уровне судебной практики. Как следует из легальной формулировки п. 2 ст. 168 ГК РФ, ничтожность не является единственным видом и даже – в широком смысле – последствием недействительности противозаконных сделок, посягающих на публичные интересы либо права и законные интересы третьих лиц. По смыслу п. 2 ст. 168 ГК РФ при совершении такой сделки правоприменителем должны анализироваться все связанные со сделкой положения закона для определения ее возможной и потенциальной, следующей из закона оспоримости или существования и вовсе «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» (далее – другие последствия). Таким образом, в рамках самого п. 2 ст. 168 ГК РФ, помимо общего правила о ничтожности сделки, содержится два исключения, выступающих по отношению к ней альтернативными вариантами юридической судьбы и последствий таких сделок. Представляется важным остановиться на каждом из указанных вариантов подробно.

Оспоримость как возможный вид недействительности противозаконной сделки, посягающей на публичные интересы и интересы третьих лиц, исходя из п. 2 ст. 168 ГК РФ, должна «следовать из закона». На первый взгляд, подобное «следование» может быть обнаружено правоприменителем благодаря легальным формулировкам, содержащим указание на возможность признания сделки недействительной. Так, согласно п. 3 ст. 1124 ГК РФ в случае, когда в соответствии с правилами ГК РФ при составлении, подписании, удостоверении завещания или при передаче его нотариусу присутствие свидетеля является обязательным, отсутствие свидетеля при совершении указанных действий влечет за собой недействительность завещания, а несоответствие свидетеля требованиям п. 2 может являться основанием признания завещания недействительным. Как отмечает П. В. Крашенинников, «в первом из упомянутых случаев завещание является ничтожным, во втором – оспоримым» [3]. Данный вывод подтверждается и практикой Верховного Суда РФ⁵. Можно предположить в этой связи, что при подобном «следовании» оспоримости, вытекающем из формулировок закона, а также при одновременном посягательстве сделки на публичные интересы или интересы третьих лиц, имеет место тот самый, альтернативный ничтожности, вариант, упоминаемый в п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Однако нельзя не обратить внимание на то, что с 2013 г. ст. 166 ГК РФ пополнилась таким, ранее признаваемым лишь практикой и – реже – теорией гражданского права способом защиты как признание ничтожной сделки недействительной (п. 3). На ценность указанного способа неоднократно указывалось и в литературе. Так, по мнению Ю. Н. Андреева, «неисполненная ничтожная сделка также может нарушать права и законные интересы участников гражданского оборота, а исключение возможности предъявлять в суд требование о признании недействительности ничтожной сделки означало бы лишение заинтересованных лиц права на защиту (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 1 ст. 4 АПК РФ)» [4]. Д. О. Тузов отмечает, что это

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

требование может быть как предметом одноименного иска, так и входить в предмет другого иска, наряду с иными требованиями (о присуждении). Его значение при этом нельзя недооценивать: ничтожность сделки, хотя бы и с момента ее совершения, далеко не всегда очевидна для сторон, ее совершивших, третьих лиц, государственных органов, на основе такой сделки может быть вынесен государственный акт [5. С. 10–12].

Легальное закрепление рассматриваемого способа защиты уже не свидетельствует с очевидностью о том, что в случае использования законодателем формулировок наподобие той, что имеет место в ст. 1124 ГК РФ, речь идет исключительно об оспоримости, следующей из закона, поскольку может иметься в виду и требование о признании ничтожной сделки недействительной.

В целом же следует заключить, что и нынешняя редакция ст. 168 ГК РФ, ставящая разрешение вопроса о виде недействительности сделки в зависимость от посягательства на публичные интересы или интересы третьих лиц, установить которое вправе только суд, и неочевидность ничтожности сделки для участников гражданского оборота, вынуждающая их обращаться в суд за преюдициальным решением, и задавнивание требований о признании сделок ничтожными (ст. 181 ГК РФ), ведут к формированию некоего общего режима недействительных сделок, где деление на оспоримые и ничтожные уже не кажется столь очевидным.

Складывается интересная с точки зрения юридической техники ситуация: с одной стороны, предполагается, что любая противозаконная сделка, посягающая на публичные интересы и интересы третьих лиц, ничтожна, при этом для констатации этой ничтожности следует обратиться в суд с требованием о признании ничтожной сделки недействительной. С другой стороны, из закона может следовать оспоримость такой сделки путем указания на необходимость признания сделки недействительной. При этом никаких других «маркеров», позволяющих обнаружить следование оспоримости из закона, не представляется возможным найти, опираясь на его буквальные формулировки.

На первый взгляд, целесообразность избранного законодателем подхода в части следования оспоримости обоснована в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ. В качестве предлагаемого для российской правовой действительности варианта разработчики Концепции отмечают, что целесообразна ситуация, когда «суд исследует волю законодателя и объявляет ничтожной сделку только при условии, что законодатель намеревался установить именно ничтожность сделки в качестве санкции за нарушение введенного им запрета» [2. С. 62]. Конструкция, предполагающая оспоримость противозаконной сделки, которая имела в рамках прошлой редакции ст. 168 ГК РФ и сохранение которой предполагалось разработчиками Концепции, по их мнению, характеризовалась как гибкая и допускающая вариативность для правоприменителя в выборе вида недействительности в зависимости,

в том числе, от императивности правовой нормы, ее социального назначения.

Следует заметить, однако, что в тексте прошлой редакции ст. 168 ГК РФ не проводилось деления на оспоримые и ничтожные противозаконные сделки в зависимости от их посягательства на публичные интересы и интересы третьих лиц – все сделки, не соответствующие закону определялись как ничтожные. Оспоримость при этом как возможный, альтернативный вид такой сделки не следовала из закона, а должна была быть прямо установлена законом. В подобном виде норма действительно была гибкой.

Нынешняя редакция ст. 168 ГК РФ уже проводит четкое и однозначное деление противозаконных сделок на ничтожные и оспоримые, ставит критерием их деления посягательство на упомянутые интересы, нарушение которых, реальное или потенциальное, и служит основанием для квалификации сделки как ничтожной или оспоримой. При этом именно на этом этапе «в дань» пожеланиям разработчиков Концепции суд выявляет характер императивности нормы, ее правовой и социальный смысл, учитывает ее противоречие публичным интересам и интересам третьих лиц, существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств. Иными словами, та самая гибкость ст. 168 ГК РФ, о которой шла речь

в Концепции и которая была характерна для прежней редакции ст. 168 ГК РФ, сохраняется и проявляется здесь в полном объеме. Указание на следование оспоримости при противоречии сделки закону и посягательстве на публичные интересы или интересы третьих лиц обязывает правоприменителя при установлении вида недействительности переходить на некий второй уровень квалификации, дополнительно анализировать законодательство, при этом ответ на вопрос о виде недействительности, казалось бы, уже сформирован. Подобная процедура усложняет и без того непростой процесс квалификации отношений, и кроме того, лишает нормы о недействительности сделок необходимо присущей им определенности и предсказуемости для участников спора.

С учетом изложенного есть основания полагать, что указание на необходимость следования оспоримости спорной сделки должно быть исключено из текста п. 2 ст. 168 ГК РФ как способное привести к необоснованному ущемлению прав и законных интересов участников недействительной сделки.

Что касается других последствий, то, как следует из п.п. 1, 2 ст. 168 ГК РФ, они могут быть в равной степени следствием противозаконной сделки, как противоречащей публичным интересам и интересам третьих лиц, так и не посягающей на них. Грамматическое толкование ст. 168 ГК РФ приводит к выводу о том, что указанные в ней «другие последствия» наступают в связи с фактом нарушения нормы закона или иного правового акта. Данное обстоятельство дает основания полагать, что «другим последствием нарушения, не связанным с недействительностью сделки» по смыслу ст. 168 ГК РФ будет являться конкретная санкция за совершенное сторонами нарушение правовой нормы – мера юридической ответственности, мера защиты (не совпадающая с реституцией и возмещением убытков – традиционными последствиями недействительности сделок). Их применение в данном случае является формой реагирования государства на совершение сделки в противоречии с предписанием закона или иного правового акта.

По смыслу ст. 168 ГК РФ сделка, противоречащая закону или иному правовому акту, оспорима или ничтожна (в зависимости от нарушения ею публичных интересов и прав третьих лиц) и требует применения общего последствия недействительности. Однако в случае, если совершенная и (или) исполненная сторонами сделка формирует состав правонарушения публичных правовых норм (в частности, состав административного правонарушения или уголовного преступления), то последствием такой сделки будут выступать конкретные санкции, соответственно, административного или уголовного характера.

Вместе с тем встречаются случаи, когда в качестве санкции за правонарушение выступает частноправовая мера защиты. Так, Конституционным Судом РФ в качестве «другого последствия нарушения, не связанного с недействительностью сделки» рассматривается такая мера частноправовой защиты как возможность истребования имущества из владения добросовестного приобретателя при наличии условий, указанных в ст. 302 ГК РФ (виндикация)⁶.

Таким образом, что под «другими последствиями нарушения, не связанными с недействительностью сделки» (ст. 168 ГК РФ) следует понимать как публично-правовые, так и частноправовые меры защиты и меры ответственности, применяемые в качестве санкции за совершение правонарушения. Их применение не связано с необходимостью признания сделки недействительной в каком бы то ни было ее виде (оспоримости, ничтожности), а также применения ее классических последствий – реституции, возмещения убытков.

Как представляется, наличие указания на «другие последствия» противозаконной сделки следует оценить положительно. Совершение некоторых действий, противоречащих правовым предписаниям, вне связи с иными защитными механизмами можно было бы рассматривать в качестве оснований для недействительности, что привело бы к существенному расширению диспозиции ст. 168 ГК РФ и появлению условий для конкуренции охранительных мер. В свою очередь, наличие в ст. 168 ГК РФ указания на другие последствия и, как следствие, неисчерпывающий круг последствий противозаконных действий, дает возможность суду

⁶ Постановление КС РФ № 6-П от 21.04.2003.

обратиться к наиболее подходящему для конкретной ситуации способу защиты нарушенного права не только частноправового, но и публично-правового характера. Так, например, нарушение правил о преимущественном праве покупки доли участником общей долевой собственности согласно ст. 250 ГК РФ составляет действие, противоречащее закону, и по смыслу ст. 168 ГК РФ считалось бы недействительным. Однако благодаря наличию отсылочного указания на другие последствия данное противоречие удастся миновать, поскольку ст. 250 ГК РФ на случай подобного нарушения предусмотрен специальный способ защиты – перевод на себя прав и обязанностей по сделке потерпевшим участником долевой собственности (п. 3).

На основании изложенного можно заключить, что в настоящее время редакция ст. 168 ГК РФ формально существенно усложняет процесс определения вида противозаконных сделок, посягающих на публичные интересы и интересы третьих лиц, по сути, вводя их многоступенчатую юридическую квалификацию. Данное обстоятельство в условиях необходимости обеспечения правовой определенности механизмов защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов участников правоотношения не может быть оценено положительно. В то же время указание на возможность применения к такой сделке «других последствий нарушения, не связанных с недействительностью сделки» позволяет установить ограничения в охранительном потенциале ст. 168 ГК РФ, отсылая к иным, специальным последствиям нарушения закона как публично, так и частноправового характера.

Список литературы

1. **Карапетов А. Г., Тузов Д. О.** Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5.
2. **Титов Н. Д.** Анализ судебной практики по делам, связанным с оспариванием сделок в связи с их противоречием существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательств // Право и политика. 2019. № 9. С. 16–28.
3. **Крашенинников П. В.** Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). М.: Статут, 2019.
4. **Андреев Ю. Н.** Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010.
5. **Тузов Д. О.** Иски, связанные с недействительностью сделок. Теоретический очерк / Под ред. Б. Л. Хаскельберга, В. М. Чернова. Томск: Пеленг, 1998. 72 с.

References

1. **Karapetov A. G., Tuzov D. O.** Transactions concluded in contradiction with peremptory norms of the law, in the context of the new version of Art. 168 of the Civil Code. *Civil Law Bulletin*, 2016, no. 5. (in Russ.)
2. **Titov N. D.** Analysis of judicial practice in cases involving contesting transactions in connection with their contradiction to the essence of legislative regulation of the corresponding type of obligations. *Law and Politics*, 2019, no. 9, p. 16–28. (in Russ.)
3. **Krashenninikov P. V.** Inheritance law (Including inheritance funds, inheritance contracts and joint wills). Moscow, Statut Publ., 2019. (in Russ.)
4. **Andreev Yu. N.** Civil Protection Mechanism. Moscow, Norma, Infra-M, Publ., 2010. (in Russ.)
5. **Tuzov D. O.** Claims related to the invalidity of transactions. Theoretical essay. Eds. B. L. Khaskelberg, V. M. Chernov. Tomsk, Peleng Publ., 1998, 72 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
21.08.2020

Сведения об авторе/ Information about the Author

Гончарова Валерия Андреевна, ассистент, Томский государственный университет (Томск, Россия), Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Valeriya A. Goncharova, Assistant, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation)

valeria.goncharova.93@bk.ru

ORCID 0000-0001-7997-8869